

Алексей Кононов

ЧЕЛОВЕК

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

УДК 82-3
ББК 84-4
К64

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Кононов Алексей
К64 ЧЕЛОВЕК / Алексей Кононов. — [б. м.] : Издательские
решения, 2018. — 398 с. — ISBN 978-5-4490-2826-6

«Ч Е Л О В Е К» — третья книга из серии «ПЕРЕКРЕСТКИ МИРОВ».
Алексей Сказов — оперинженер и магию ненавидит. Его задача — ловить лжебогов, колдунов, возомнивших себя всемогущими. Но если один из них зачарует целый подъезд, повесит на Сказова убийство ребенка и скроется... как удержаться и самому не переступить черту дозволенного!? Особенно когда знаешь, что чародей действует под прикрытием того, кто причастен к исчезновению твоей невесты и гибели отца.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4490-2826-6

© Алексей Кононов, 2018

Санкт-Петербург, 2022 год.

С момента появления магии на Земле прошло шесть лет.

Отныне спокойной жизни угрожают колдуны-самоучки, в больницах снимают проклятия, а в университетах учат совсем не тем профессиям, что раньше.

Алексей Сказов — оперинженер и магию ненавидит. Его задача — ловить лжебогов, колдунов, возомнивших себя всемогущими. Но если один из них зачарует целый подъезд, повесит на Сказова убийство ребенка и скроется... как удержаться и самому не переступить черту дозволенного!? Особенно когда знаешь, что чародей действует под прикрытием того, кто причастен к исчезновению твоей невесты и гибели отца.

СЕРИЯ «ПЕРЕКРЕСТКИ МИРОВ»

ИНТУИТ

ЛОГИК

ЧЕЛОВЕК

ЧЕЛОВЕК

глава первая

ИНЖЕНЕР

С самого утра льет дождь.

Печка старенькой девятки барахлит, а потому регулятор тепла сейчас выкручен до предела. Плевать, что не зима: когда приходится заезжать в такие районы — мороз по коже. И дело тут вовсе не в погоде.

Матерюсь, попадая колесом в очередную выбоину. Асфальт во дворе уже давно никто не ремонтировал. Быстренько ныряю на свободное место, глушу уставший мотор, нехотя открываю дверь. В салон врывается промозглый воздух.

Вздыхаю. Что делать — работа.

За шиворот ползут настырные капли, воротник свитера не спасает.

Так, что тут у нас? Улица Нефтехимиков, дом двадцать два. Вроде все правильно. Просили проверить именно этот адрес.

Надежда на «авось обойдется» угасает с невиданной скоростью, когда на крыльце интересующего меня подъезда я замечаю белобрысого паренька

на вид лет восьми. Сидит на скамейке под проливным дождем. И курит. Да не просто сигареты, а «Беломор» без фильтра. Таких уже давно не выпускают. Где только раздобыл? Наверное, из старых запасов деда умыкнул.

— Привет. А тебе родители курить разрешают?

Мальчишка поднимает не по возрасту мудрые глаза, затем переводит взгляд на дымящуюся папиросу да так и замирает.

— Намокла... — наконец произносит он бесцветным голосом.

Окурок падает под ноги рядом с другими, их на мокром асфальте уже с десяток. А мальчонка лезет в насквозь промокшие шорты, достает пачку, вынимает другую и закуривает снова.

Зациклило. Придется повозиться...

Снимать последствия чужих действий — не самая любимая моя специализация. Без умело зачарованного пантакля не обойтись.

Оттянув ворот свитера, лезу за болтающейся на шее медяшкой. Холодный дождь тут же проникает внутрь, стекает аж до самого пояса. Морщусь.

— А ну-ка, дотронься вот до этого, — как можно беззаботнее говорю пареньку.

Он недоверчиво смотрит на меня. Где-то в глубине сознания бьется живая душа, стремясь вырваться из оков, в которые ее заключили чужие недозволенные слова.

— Смелее, — поторапливаю я. — А потом отведу тебя к маме. Ты ведь давно ее не видел?

У пацана начинает дрожать рука. Похоже, он давно не видел свою мать. Может, неделю, а то и две.

Надеюсь, она еще жива.

Суть в том, что он сам должен захотеть прикоснуться к пантаклю. Насильно впихивать «лекарство» — дело неблагодарное. Ничего не произойдет. Но я вижу, что он хочет дотронуться, хочет спастись. И только чужая воля не дает ему этого сделать.

— Мама... — срывается с его губ, — да, мама давно ждет.

«Ну, давай же!» — с волнением наблюдаю я, но снаружи остаюсь доброжелательным дядей. Хотя уже давно пора бить тревогу. Совершенно точно — зачаровали весь подъезд, а может быть, и дом!

Мальчишка дотрагивается до амулета. Одно мгновение — и не по годам умудренного взгляда больше нет. Вместо него в глазах появляются детская наивность, доверчивость, открытость. И... слезы.

Последние гораздо крупнее капель дождя.

— Я курил? — сквозь рев спрашивает он.

— Нет-нет... что ты, — успокаиваю я. — Ты просто болел, а сейчас полностью здоров!

В этот момент откуда-то сверху раздается отчаянный вопль. Поднимаю голову: из окна третьего этажа выглядывает озлобленное лицо мужчины лет пятидесяти.

— Знаешь его? — спрашиваю и быстро лезу в карман брюк за мобильником.

— Это Владимир Николаевич из сорок третьей квартиры.

Черт! Сеть не ловит. Как некстати... Раздраженно сую трубку назад, а потом говорю:

— Тебя как зовут?

— Афанасьев Никита, — с готовностью отзыва-

ется он.

— Никита, я тебе сейчас машину открою и печку включу. Она плохая совсем, еле работает. Но хоть что-то. Ты пока погреешься, а я за родителями твоими схожу.

Смекнув, что его не собираются ругать за курение, Никита вмиг успокаивается и послушно кивает головой. Даже не помнит, что секунду назад с ним творилось неладное.

— А у моего папы такая же машина, только вишневого цвета! И тоже печка не работает...

— Это хорошо, что ты повеселел, — радуюсь я.

Это чертовски хорошо! Значит, недолго на нем висело колдовство. Самые маленькие умеют сопротивляться, потому что в них жизнь бьет ключом. Со взрослыми все гораздо сложнее.

— Владимир Николаевич сделал что-то плохое? — допытывается мальчишка, когда я усаживаю его на переднее сиденье.

— Не знаю пока... разберемся. Только пообещай мне, что не выйдешь из машины. Договорились?

Никита послушно кивает.

— Я знаю, что он сделал. Он... странный был. В новостях таких людей часто показывают. И еще я знаю, кто вы!

— А ты догадливый! В школе, небось, отличник?

— Хорошист, — вертит Никита головой, осматривая приборную панель. — Ну, вы идите, вам же надо, я вижу. Обещаю ничего не трогать.

Пока я, направляясь к подъезду, думаю, что сейчас сделаю с этим сукиным сыном Владимиром Николаевичем, в трубке, наконец, слышатся гудки!

— Спокойнее, Лёша, — вместо «алло» раздаётся в динамике.

— Уж сам разберусь, Виталик. Давай всех по адресу: город Кириши, улица Нефтехимиков, дом двадцать два.

— Совсем плохо?

— Совсем, — отвечаю и сбрасываю вызов.

Пока наряд приедет, пройдет часа полтора.

Долго. Очень долго.

Дверь в подъезде, похоже, еще со времен Советского Союза. Отзывается противным скрипом, когда я осторожно открываю ее одной рукой. Другой держусь за пантакль. И не напрасно: прямо над головой на облупившемся потолке еле заметно начерчена пентаграмма. Не окажись у меня этой вещицы — быть беде.

Пентаграммы работают, только когда нарисованы правильно: без грубых искажений и недостатков в написании латыни, сплошными непрерывными линиями.

Дотянувшись до круга, соскребаю ногтем несколько символов. Ловушка перестает быть активной, а сверху вновь доносится вой бешеной собаки. Только вот собака эта некогда была человеком, пока не утратила остатки мозгов.

Трижды внимательно осматриваю лестничный пролет: зловещих кругов с дьявольскими звездами не видно. Ступаю на первую ступеньку. Вторую. Третью. Сверху раздается скрип, предположительно, как раз на третьем этаже.

— А вот ни хрена у тебя не выйдет! — долетает, отскакивая от стен, раздраженный голос.

Недолгая возня, и Владимир Николаевич, заржав во всю глотку, удаляется обратно. Чувствую, как напряжение в воздухе постепенно исчезает, холод, пусть и не окончательно, отступает.

Значит, снял чары или направил в другую сторону.

Медленно, шаг за шагом, поднимаюсь до третьего этажа. Дверь с номером сорок три старая, деревянная. В наше время железные ставят те, кто желает защититься, а такие вот — оставляют нараспашку, мол, входи, коли не трус.

Достаю из кобуры пистолет. Придирчиво осматриваюсь вокруг: нет ли ловушек.

Все поверхности чистые.

Уже потянувшись к дверной ручке, чувствую тут что-то неладное, спохватываюсь и вовремя отдергиваю руку. Пространство вокруг нее так и звенит от напряжения. Того и гляди шарахнет разрядом неизвестно чего.

Прикладываю медный пантакль обратно к груди. Ближе к сердцу. Так, говорят, лучше: сила приходит правильная... Бормочу защитную мантру, а вслед за ней боевую.

Секунд сорок буду неуязвимым к воздействию второго и отчасти третьего уровней. Если же Владимир Николаевич каким-то образом овладел силой сверх третьего, тогда... но лучше об этом не думать.

«Ничем он таким не овладел», — успокаиваю себя. Наверняка рядовой алкаш, в котором проснулась сила. Сейчас таких пруд пруди. А водка плюс новые способности равно поехавшая крыша. Причем поехала она в кратчайшие сроки. Месяца два-три.

Однако находчивый оказался, смекнул, что искать в Интернете. Тут и высоких скоростей не надо, так, скачал пару книжечек — и привет, да здоровствует новоиспеченный маг с манией величия. Не ровен час, богом себя объявит.

Видали мы таких богов и богинь: сплошь шушера, маньяки двадцать первого века, которые, заполучив на халяву силу, утратили человечность и провозгласили себя великими.

Пантакль заработал на полную катушку, гнев подхлестывал, притупляя инстинкты самосохранения.

Ну, с Богом! На этот раз с настоящим... Теперь не то что дверь, десяток взрослых мужиков не проблема.

Выламываю полотно, обдирая костяшки пальцев до крови. Сломанные чары трещат, но вреда не причиняют. Еще тридцать секунд — не успею, помру. Вваливаюсь в прихожую, четко оценивая обстановку: прямо по курсу кухня, на столе бутылки с коньяком — отмечал, мерзавец, собственную коронацию, в воздухе витает сильный перегар. Направо — еще две комнаты. Тут же бросаюсь в зал и... поскальзываюсь на бутылке! Нога предательски устремляется к потолку, а затылок, наоборот, к полу. Тело с грохотом принимает горизонтальное положение.

Из дальней части коридора, где находится зал, доносится хохот.

Я свирепею.

— Я инженер Алексей Сказов, прошу сдать без боя! — фраза звучит так неубедительно, что я и сам не верю. — Хотя с удовольствием прикончу тебя,

ублюдок.

— Ну, попробуй, инженер! Только пшикалку свою убери, не поможет.

Остается двадцать секунд...

Не боится, значит, пистолета. Дело дрянь! Но дороги назад нет.

Пулей влетаю в зал и... озираюсь в пустоте. Никого. Только огромная кроваво-алая пентаграмма на стене. Владимир Николаевич, словно призрак, неожиданно появляется сзади. Удар по голове напрочь лишает меня способности трезво обрабатывать, отшвыривая в сторону, как тряпичную куклу. Будто и нет во мне восьмидесяти с лишним килограммов.

Опытного инженера обыграл пенсионер в резиновых тапочках, рваных тренировочных штанах и замусоленной майке... Комично и невероятно стыдно!

Остается десять секунд. С трудом поднимаюсь на ноги. Слегка пошатывается, кажется, сейчас вырвет. Заработал сотряс, не иначе. Но силы еще есть. На один завершающий удар хватит.

Рывком бросаю себя к противнику, на ходу впуская щелкая пистолетом. Бесполезно. Пули отказываются лететь в цель. Зато кулак с наслаждением настигает челюсть. Владимир Николаевич слегка удивлен тем, что я смог подняться после такого удара, а потому стоит неподвижно, пока могучая сила не впечатывает его в потолок.

Сыплется штукатурка, противник вместе с ней оседает на пол.

Все кончено.

Остается ноль секунд.

Успел!

Пантакль перестает действовать. Подхожу к пентаграмме и яростно сдираю виниловые обои с цветочками, на которых она нарисована. Больше он не сможет колдовать. Никогда. Уж в этом никаких сомнений.

Направляю ствол пистолета в голову Владимира Николаевича. Резкий телефонный звонок возвращает к реальности: всеведущий Виталик даже за сотню километров чувствует, что я собираюсь сделать. Однако же он не может знать наверняка, как все случилось, верно? Верно.

И с этой мыслью я нажимаю на спусковой крючок.

Физические законы действуют во всю мощь — пентаграммы-то больше нет. Пуля послушно выстреливает и ложится прямёхонько между глаз нерадивого мага.

Телефон умолкает.

Под ногами шуршит всяческий мусор: обертки от «Кит Ката», недоеденная шоколадка «Аленка», несколько банок «Ред Булла», ненавистная бутылка, на которой угораздило поскользнуться. Пинком отшвыриваю ее в сторону, та разбивается на множество осколков, ударившись о тупой угол стены. Выхожу на лестничную клетку и оглядываюсь: дверь, к сожалению, прикрыть не получится. Жильцы, когда придут в себя, обязательно заглянут и обнаружат убитого соседа. Шуму поднимется!

Ну и черт с ними.

Отправляюсь наверх по этажам. Найти бы сейчас

родителей Никиты. Мать, конечно, будет в шоке, но самое страшное уже позади. Это главное.

Обезвредив оставшиеся ловушки — их обнаружилось еще три, начинаю звонить в квартиры. Наконец мне открывают. Взрослый мужчина с трехдневной щетиной и заплывшими глазами.

— Помощь нужна?

Он долго соображает, прежде чем неуверенно промямлить:

— Н-н-нет...

— Вы знаете, в какой квартире проживают Афанасьевы?

— Конечно, — уже более внятно отвечает он, — в сорок третьей.

— ЧТО???

— Ну да. Только Маринка сейчас в больнице. Там отец да сын, Никитка.

Внутри у меня все оборвалось.

Молнией пронесится в голове поступивший запрос: обратилась женщина, просила проверить дом, звонила из больницы.

Кидаюсь вниз, забыв о всякой осторожности. Скорее, скорее проверить мальчика! Хотя пантакль больше и не дает сил, дверь подъезда с грохотом срывается с петель, когда я вываливаюсь на улицу. Дождь одержимо хлещет по лицу, вдалеке сверкает молния, раскатываясь тяжелыми ударами, над головой рокочет гром.

Рывком распахиваю дверь машины и... обмираю: передо мной сидит Никита. Точнее, его безжизненное тело. Из-под майки выглядывает черный круг. А во лбу зияет кровавая дыра.

Вновь звонит мобильник.

— Алло.

— Леша, доложи обстановку, — просит Виталик.

Судорожно сглатываю.

— Алексей Сказов, доложите обстановку! — звучит приказ.

— Дом зачищен. Жильцы, кажется, в норме.

— Мертвые есть?

— Да. Двое.

— Личность убийцы установлена?

— Да. Алексей Сказов, — отвечаю я и сбрасываю вызов.

Старый «Панасоник» без помех не работал. Шипящим информационным питоном пробивался в эфир первый канал. Впрочем, это единственный канал, который ловила антенна, примотанная к батарее, поэтому не удивительно, что помехи были. На столе со вчерашнего вечера стояла початая бутылка «Путинки», а на мне мешком висел заношенный отсыревший свитер.

«Даже снять не удосужился, скотина», — вяло подумал я про самого себя.

Нечеловеческая головная боль удачно напомнила, что как раз человеком я и являюсь, пусть и оскотинившимся до края. Нет в мире другого живого организма, способного выпить два литра водки

в одну харю и не мучиться поутру похмельем, попутно вспоминая, кто он и где находится.

— Вчера в городе Кириши произошел несчастный случай. В одном из домов по улице Нефтехимиков был обнаружен и впоследствии ликвидирован практикующий маг. К сожалению, жертв среди мирного населения избежать не удалось: среди погибших маленький мальчик. Инженерам не удалось сохранить невинную жизнь, — темноволосая телеведущая говорила бесстрастно, как судья, выносивший приговор.

— Инженеру... Одному-единственному инженеру, — поправил я неизвестно кого, потянулся за бутылкой и, припав к горлышку, сделал несколько глотков.

Телефон зазвонил неожиданно громко, так что бутылка выпала из рук. Это был Виталик.

Я принял вызов.

— Да выключи ты эту дрянь! — послышался разъяренный вопль в трубке.

— Меня порой жутко бесит, что ты знаешь обо мне несколько больше, чем хотелось бы.

Виталик раскаиваться не собирался:

— Работа такая, — отрезал он. — Дуй в офис. Шеф ждет.

— По мальчику выяснили?

— Да. Он сам с тобой поговорит.

— А может, лучше Машенька? Или Катя? Или ты, на худой конец, передашь... — я заранее знал, что избежать разговора с начальником не удастся, но попытка не пытка.

— Хрена с два я такой алкашне буду докладывать-

ся! — недружелюбно съязвил Виталик.

В чем-то он прав. Чем я отличаюсь от вчерашнего мага недоделанного? Разве что с ума еще не сошел, силу не распробовал. На темную сторону не перемернулся.

Но на этот случай у меня всегда пуля припасена.

Личная.

Для самого себя.

— Ладно, — хрипло бросил я в трубку. — Скоро буду.

Чего шеф не любит, так это когда его оперативные инженеры не контролируют время. Опоздавших отчитывает как школьников. Так и хочется на хрен послать. Но нельзя. Шеф, пусть порой и перегибает, однако сомнений в своей компетенции не вызывает: за последние шесть лет столько отморозков благодаря ему повязали!

Жаль, на тот свет всех отправить не удалось.

Ну, о последнем, допустим, только я один сожалею. Все-таки мы не убийцы. А высококвалифицированные работники инженерно-магической полиции, сокращенно ИМП. И в этой самой ИМП работают далеко не вояки, а простые граждане, некогда окончившие филфак, отделения радиоэлектроники, психологии и тому подобные. Окончить-то окончили, да только не ожидали, что мир с ног на голову встанет.

На кухне — шаром покати. Еда закончилась еще на прошлой неделе. А потому прямиком в прихожку, обуваться — и на улицу, на свет белый, подышать питерским последождевым воздухом.

Уже одевшись, исключительно ради приличия

кидаю взгляд в зеркало и едва не содрогаюсь от увиденного: под глазами мешки, не мешало бы подстричься, вон патлы какие отрастил, да и щетина... Хотя это сейчас модно. Опять Машка будет ругать за свитер, а Катька демонстративно зажмет нос. Еще бы, после вчерашнего-то!

— А, ладно... выветрится, — успокаиваю я себя, перебарывая отвращение к собственной персоне.

Засунув служебный пистолет в кобуру, прячу последнюю под широким свитером и, захватив медяшку — мой пантакль зачарованный, выметаюсь на улицу.

Офис ИМП находился на Невском и располагался в здании бывшего книжного магазина «Зингер». После грянувших изменений на Земле многое пошло в упадок, в том числе и литература, которую подвергали нещадной цензуре, не жалея на это сил, денег и времени. Под запрет попала практически вся фантастика, которая так или иначе была связана с магическими искусствами. А дальше вообще пошло-поехало: тысячи писателей, особенно фантастов, остались без работы, книжные полки опустели. Из печатных изданий в городе можно было изредка встретить лишь канцтовары да учебники по русскому языку и математике.

Под строгий надзор попало буквально все.

Не дай Бог, если власти обнаруживали у кого-то дома захудалый романчик с описанием магической процедуры, — влетало по первое число! Ну а если это оказывался не роман, а скажем, фолиант тысяча девятьсот какого-то там года под названием «Практическая магия» — лет пятнадцать в местах не столь

отдаленных были обеспечены.

Вслед за литературой санкции коснулись игровых платформ, к примеру, активы компании «Близзард», выпускающей игры, и вся их волшебная вселенная полетели к чертям в первую очередь. В России за хранение обыкновенной игрушки типа «Варкрафт» на жестком диске, флешке или «сидюшнике» грозил условный срок. Почему только условный? Да потому что дети, не желавшие расставаться с киберразвлечениями, тайком скачивали назад с зарубежных торрент-трекеров удаленные родителями игры.

Полиция, когда поступал очередной вызов по подозрению в использовании «запрещенных материалов», вслух поминала дьявола. В реальности это выглядело так: ни в чем, кроме своей страсти к игромании, не повинный парень неосторожно включал звук слишком громко, а какая-нибудь бдительная Тамара Васильевна, которая еще до запрета настрадалась от грохота нескончаемых баталий, войн, сражений эльфов с орками, стрельбы и прочего у себя за стенкой, тут же звонила в отделение. Благо по телевизору неустанно крутили общественные ролики, призывающие сознательных граждан выводить нарушителей на чистую воду, а потому совесть соседки была кристально чиста. Сидя во дворе на скамейке, она с гордостью рассказывала товаркам о том, как оказала содействие полиции. Днем позже паренек, у которого изъяли винчестер, начинал сводить Тамару Васильевну, а заодно и еще добрую половину подъезда с ума бесшабашной игрой на электрогитаре. И вызов в отделение полиции поступает опять. На этот раз за бесовские ритуалы.

И так на протяжении всех последних шести лет. Пять из которых я работаю в ИМП и безуспешно пытаюсь выяснить причины, заставившие планету Земля в две тысячи двадцать втором году превратиться в фэнтезийное RPG, где можно обернуть вспять законы физики, где пистолеты, несмотря на настоящие боевые патроны, отказываются стрелять, где лучше носить на поясе заточенный стилет, ибо он гораздо эффективнее гранаты, а еще лучше — нарисовать на полу обыкновенным мелом пентаграмму, которая откроет портал в черт знает куда, как это случилось на предыдущем вызове в гимназии номер пять.

До «Зингера» добрался быстро, минут за сорок. Учитывая, что шел пешком, результат неплохой. Голова прояснилась, похмелье практически отступило.

— Доброе утро, Леша. Ты не в форме, — это был Вадик, наш секьюрити, защитник святая святых, в прошлом обыкновенный охранник, а ныне сознательный законопослушный гражданин с магическими задатками.

— Что никоим образом не мешает мне ловить преступников! И тебе доброе, — не испытывая ни малейшей неловкости, я проскочил мимо.

Вадик был снабжен пантаклем — почти такой же медяшкой, как у меня, только классом ниже. А это означало, что он один сможет оборонять наш офис в случае нападения около получаса, превратившись почти в полубога. Конечно, до оперинженеров ему далеко, но, тем не менее, даже я не рискну с ним

тягаться. Да и зачем? Пантакли у нас отличаются: мой рассчитан на быстрый бой, а его — на долгую изнуряющую твердолобую оборону.

В общем, все в соответствии со способностями и личными качествами.

Прямо на входе располагалась огромная пятиконечная звезда, заключенная в круг с множеством непонятных символов. Теоретически это была классическая латынь, хотя в разработках отдела инноваций черт ногу сломит!

Зато занимавшая своими острыми лучами большую часть пола звезда лишала возможности использовать любое огнестрельное и взрывчатое оружие на территории бывшего «Зингера».

ИМП принадлежала к официальной, почти государственной организации, хотя по телевизору слово «почти» из контекста всегда убирали. На самом же деле мы являемся вполне обособленной фирмой, которая в свое время выпросила соответствующее разрешение на исследования в области мистицизма, алхимии, эзотерики и прочей считавшейся ранее паранормальной лабуды. Каким-то образом начальству удалось доказать пригодность этих исследований обществу, наши деяния оценили по заслугам, и с тех пор фирма процветает: вызовы поступают каждый божий день. Обыкновенных граждан на работу в компанию не берут — только пробудившихся. Последними называются люди, в которых спонтанно проснулись способности к колдовству.

Обычно это происходит так: если вокруг тебя начинает твориться что-то неладное, ну, скажем, электроника сбоит, предметы двигаются, телевизор

включается сам по себе или же голоса из потустороннего мира достают, то тебе надо либо в психушку бежать, либо провериться на предмет магических способностей. Кстати, без справки об удовлетворительном состоянии психического здоровья ни одна компания, занимающаяся переписью магического населения, проверять тебя не станет. Зато если утаишь внезапно открывшиеся таланты, а ребята, подобные нам, это обнаружат, собирай манатки и будь готов занять место на тесной койке в камере тюрьмы для маг-населения.

Сегодня в «Зингере» людно. Посетители налетели, словно мухи на мед. Ну или кто там еще мед любит? Меня подобная суета сразу же насторожила. Когда такое происходит, это обозначает одно: приехала шишка по важному вопросу.

— Алексей! Ты вообще в курсе, что тебя уже полчаса шеф дожидается? — Катька поймала меня возле кофемашины. Я медленно повернулся, давая понять, что на меня сейчас лучше не кричать — могу умереть от инсульта.

— Боже мой! — всплеснула она руками, приходя в негодование. — Да ты на бомжа похож.

Мирно киваю, мол, так оно и есть. Самый настоящий питерский бомж.

— Живо допивай и дуй в кабинет. Там по твою душу, говорят, приехали.

— Серьезно? Это из-за вчерашнего...

Мрачнею на глазах.

Катька, почуявшая перегар, морщит нос, но молчит. Если бы не знала, что вчера стряслось, устроила бы взбучку. А так понимает, что по-другому

я не мог. Да и кто бы мог, интересно?

— Знаешь, Алексей, если бы ты не пил... Давно бы уже женился, детей завел. Но ты...

— Но я... Кать, но я...

Вздыхает. Знает, что меня не переделать. Знает и все равно надеется на лучшее.

Однако, увы, сударыня, такая жизнь.

Мир такой.

— Ладно, — смиряется она. — Зайди к Маше, она... впрочем, кому как не тебе знать, по какому поводу каждый мужик, работающий в «Зингере», обращается к Марии.

Послушно киваю. Катька — роскошная баба: блондинка, ноги-спички, грудь упругая, талия — картины рисуй! Могло бы у нас с ней что-то срастись, да... ни к чему это не приведет.

Допив кофе, выбрасываю стаканчик и покорно направляюсь на второй этаж к Марии. Главное, мимо кабинета шефа проскочить, он первый по коридору.

Проходя мимо дубовой двери, слышу: «Да где ж его черти носят?».

Шеф в ярости. Ничего, скоро буду. Потерпи еще минутку-другую.

Маша всегда на своем рабочем месте. Кому-кому, а ей новый мир нравится. Да еще как! Готова днем и ночью не вылезать из лаборатории. Бывшая медсестра Мария Жданова работает в ИМП практикующим алхимик-целителем, чертит пентаграммы, комбинировает мантры, изучает воздействие на организм человека того или иного символа.

Порой я жутко, до коликов в животе завидую ее жизнелюбию.

— Машка, нужна срочная медицинская помощь!

Она сидит у компьютера и что-то старательно вычерчивает в Autocad. Наверное, вымеряет градус угла одной из линий звезды, при котором пентаграмма станет работать эффективнее.

— Когда же вы, мужики, пить-то бросите? — устало доносится в ответ.

Не пытаюсь оправдаться, пожимаю плечами.

— Вставай! — командует она и добавляет: — Знаю, тебя шеф ждет.

— Ты святая, — я послушно застываю на одной из нарисованных на полу шестиугольных звезд.

— Ага... конечно. Поэтому вы все ко мне и бегаєте с похмелья.

Приблизившись, Машка кладет руки мне на плечи. Начинает происходить что-то невообразимое... Сила приходит в движение. Внутри меня будто оживает второй я. Оживает и, сконцентрировав на себе мое дерьмовое состояние, вместе с ним бесследно исчезает. Куда? Да Бог его знает. Просто нет больше никакого похмелья. Раз — и все!

— Премного благодарен! — чмокаю ее в щеку.

— Лучше бы Катю в кафе позвал, а не меня, замужнюю, между прочим, женщину, целовал.

Вот уж кому с женой повезло, так это Машкиному мужу. Пускай она пропадает на работе с утра до ночи, пускай мало внимания уделяет, зато верная. Многие тут к ней клинья подбивали, да всем отказала. Один только я в стороне стоял — так шутил, конечно, случилось, но все понимали — ничего серьезного.

— А я думал, у нее новый ухажер появился...

Маша смерила меня презрительным взглядом:

— Ну и брехло же ты, Сказов!
Обман не удался: сообразительная...
Я сконфуженно вздохнул.

К шефу зашел без стука — не любит он эти формальности, а я уважаю его нелюбовь к ним. Однако в этот раз субординация бы не помешала. За овальным ореховым столом сидели две женщины, старая и молодая, во главе — мой начальник. Мое внезапное появление прервало оживленную беседу, хотя по всему было видно, что это скорее допрос, чем обыкновенный разговор. А судя по толстым папкам с делом номер двести двадцать один, предмет допроса — я сам.

— Сказов, где тебя носит? — раздраженно, но с облегчением поинтересовался руководитель санкт-петербургского отдела инженерно-магической полиции Геннадий Ярославович Горыныч.

Фамилия у шефа звучная, старорусская, а потому прозвища к нему липли одно за другим. Но закрепилось в итоге самое часто упоминаемое: Горыныч.

За время работы в ИМП я навидался всякого, но чтобы могучего Горыныча так издергали две дамочки, наблюдал впервые!

— У машины движок закипел. Старенькая совсем, — сокрушенно пожаловался я, усаживаясь напротив двух ревизоров, точнее ревизорш.

Шеф начал медленно, вкрадчиво и в то же время обвинительно:

— Движок, говоришь, закипел... Больше ничего?

Придав физиономии многозначительное выражение, я тут же пытаюсь сменить тему:

— Есть новости по Афанасьеву Никите?

— Да. Собственно, по этому вопросу тебя и вызвали, — как-то резко смягчившись, сообщает начальник.

Осторожно поворачиваю голову в сторону женщин. Теперь понятно, из-за чего шеф рвал и метал в ожидании меня минут уже как сорок. Та, что постарше, с зачесанными назад поседевшими волосами и совдеповской офицерской выправкой, одета в аскетически строгий безвкусный костюм. Острые черты лица, напряженный буравящий взгляд, из макияжа — однотонная помада почти в цвет кожи. Сдается мне, сушая мегера. Интересно, из какой инстанции ее сюда занесло? Или, правильнее сказать, из какого времени?

Зато вторая — скорее всего, протеже старшей — обладала вполне привлекательной внешностью. На вид лет двадцать пять. Рыжая. На переносице проскакивают забавные веснушки. Совершенно идентичный костюм, зато косметикой не пренебрегает и губы красит в вызывающий розово-красный цвет. А еще от нее пахнет парфюмом! За это она наверняка получает нагоняй от старшей.

И выбрала же ты себе судьбу, девочка!

— Алексей Сказов! — сухо обратилась ко мне старшая. — Меня зовут Аделаида Петровна, я главный следователь по делам с маг-населением.

— Следователь? Так меня хотят обвинить?

Следователи в основном работали с особо тяжкими нарушениями среди лиц, представляющих в некотором роде закон. Они устраивали проверки, проводили аттестацию, штрафовали, а в некоторых

случаях и сажали за решетку.

— У департамента к вам есть вопросы, которые хотелось бы прояснить, — Аделаида Петровна говорила точь-в-точь по шаблону. Я и сам так делаю, прежде чем задержать виновного или убить...

— Вчера я направил рапорт о случившемся. Не думаю, что мне есть что добавить.

— И все-таки будьте так любезны, ответьте на мои вопросы.

Я невольно опустил голову:

— Спрашивайте.

В руках у следователя откуда-то появился листок, глядя в который, она стала монотонно читать:

— В вашем рапорте сказано, что вчера, пятого августа две тысячи двадцать второго года, в семнадцать часов сорок пять минут вы прибыли по адресу: город Кириши, улица Нефтехимиков, дом двадцать два. Вы отреагировали на вызов в соответствии с уставом вашей компании.

— Все верно, гражданин следователь.

Она одобрительно кивнула.

— В ходе обезвреживания дома вами был обнаружен ребенок, Никита Афанасьев. Предположительно, ребенок находился под чужим воздействием, воля его была подавлена, сознание присутствовало частично. Скажите, как вы определили, что мальчик не в себе?

— Он курил. Не шел на контакт. Не осознавал, что делает.

— И все?

— А этого, по-вашему, мало? — огрызнулся я.

— У ребенка мог быть стресс, психическое рас-

стройство. Такое поведение не повод для того, чтобы заключить наличие чужого воздействия.

— Слушайте, дамочка, вы часто видели семилетнего пацана, выкурившего полпачки крепких сигарет и сидящего под проливным дождем в одних шортах и футболке?

— Леша! — гаркнул шеф. — Успокойся. Они просто восстанавливают картину происшедшего.

Вот у кого стальные нервы. Как по мне, так я бы уже послал эту особу ко всем чертям.

— Спасибо, — холодно кивнула она Горынычу и невозмутимо продолжила: — Итак, допустим, воздействие на ребенка все-таки было оказано. Что вы предприняли?

— Снял его. Достал пантакль и развеял колдовство. Как обычно.

— Что случилось потом?

— Парень стал нормальным. Живым. Испугался, что курил, но я его успокоил, — ответил я.

— И?

— Как только я развеял наваждение, в окне третьего этажа показалось лицо мужчины. Это и был практикующий маг.

— Мальчик видел его, как и вы?

— Да.

— И он не узнал в нем своего отца? — подозрительно уставилась на меня следователь.

— Нет. Он назвал его по имени-отчеству. Вел себя так, словно это чужой человек, сосед.

— А потом?

— Я посадил паренька в машину. Он смысленным оказался. Обещал ничего не трогать. Включил печку,

чтобы тот мог согреться. И отправился в подъезд, задержать мага.

— Вы указали, что в подъезде обнаружили несколько пентаграмм, — добавила Аделаида Петровна.

— Верно. Я все обезвредил.

— Какого рода они были?

— Не знаю. Не было времени разглядывать. Судя по состоянию, дом был зачарован уже пару недель. Поэтому я стер символы и поднялся наверх.

— Что случилось, когда вы проникли в квартиру?

— Да ничего особенного, рядовая стычка. Маг оказался дилетантом, хотя сила его близилась к третьему уровню.

— Но как вы поняли, что он дилетант? — не унималась Аделаида Петровна.

Я ответил незамедлительно:

— Пентаграмма, с помощью которой он колдовал, находилась прямо на стене. Он даже не пытался спрятать ее — нарисовать на бумаге или на полу под ковром. К тому моменту сила уже свела его с ума. Он, черт его дери, обезумел! Понимаете?

— Прошу вас, сохраняйте спокойствие, — сухо попросила следователь. — Вы проникли в квартиру и сразу же обезвредили его?

— Не сразу. Он застал меня врасплох. Ударил по голове так, что я отлетел к стене. И не ожидал, что мне удастся подняться. Но до этого я прочитал защитную мантру.

— Вы убили его выстрелом в голову, так? — по-прежнему поглядывая на листок, допытывалась Аделаида Петровна.

В этом месте я немного подправил историю...

— Да. При ударе о стену случайно зацепил кусок обоев с пентаграммой. Как только физические законы снова пришли в норму, спустил курок.

— Что было после этого? — равнодушно звучал голос следователя.

— Пошел искать родителей Никиты, но в одной из квартир мне сказали, что мальчик проживает там, где была стычка с магом. Я бросился к машине, когда открыл дверь — он был мертв. В его голове зияла точно такая же дыра, как у мага во лбу! Вы это хотели услышать?!!

Аделаида Петровна вздохнула и покачала головой.

— Значит, вы понятия не имели о том, что их связывает печать?

— Нет. Только когда все закончилось, я увидел на груди у мальчика черную отметину.

— Вы знали, что подобное колдовство — я имею в виду печать, которая связывает две телесные оболочки, — доступно лишь при очень высоком уровне силы?

— Знал, но обучиться этому можно только в...

Внутри у меня все похолодело.

— Инженер пятого класса Алексей Сказов, я не буду ходить вокруг да около, — каждое слово падало тяжелым камнем, раздавливая меня. — Вы подозреваете в использовании служебного положения с целью проведения экспериментов над населением. Так как департамент пока не может установить вашу прямую причастность к этому и доказать вашу вину, вы будете находиться под наблюдением, которое

осуществит Алиса Расколова. До окончания следствия вам запрещено покидать страну.

Я не верил своим ушам. Ладно, я заслуживаю обвинения в смерти мальчика, ведь это я, застрелив мага, убил и его. Но подозревать меня в экспериментах над населением? В преднамеренности содеянного? Что, черт возьми, происходит?

— Леша, мы разберемся! Сейчас главное — сохранять спокойствие. Слышишь? — сказал Горыныч.

Сумасшедшими от бешенства глазами я посмотрел на своего начальника.

— Подпишите, пожалуйста, эти бумаги, — скорее приказала, чем попросила главный следователь, сунув мне в руки какой-то документ. — И не устраивайте фокусов. Так будет лучше всего. Я думаю, мы поняли друг друга?

В кабинете остались двое.

Геннадий Ярославович молчал. Интересно, шеф убежден в моей невиновности? Или принял слова следователя на веру? Если подумать, я ведь всегда выезжаю на вызовы один, без напарника: нет ни алиби, ни свидетеля, который мог бы подтвердить произошедшее.

— Если ты, Леша, думаешь, что я верю в инсинуации этой престарелой медузы, — ошибаешься, — вдруг сказал Горыныч.

— Шеф, там было только два мага — я и тот, из сорок третьей квартиры. И сил у него было никак не выше третьего уровня.

— Знаю, знаю... Но давай-ка сейчас хорошенько подумаем, это нам не запрещено в отличие от актив-

ного расследования. Если мальчишку околдовал не его отец, то кто?

— Тот, кто знаком с магической практикой не понаслышке. Следователь права — такую магию потянет только пятый класс и выше. А у этого алкаша ни ума, ни знаний. Скачал схему пентаграммы из Интернета и нарисовал. На глаз, на ОБОЯХ! Да он же идиот!

— М-да... — протянул Горыныч.

— Наши изучили символы на теле мальчика?

— Нет, ты же знаешь правила: за серьезные преступления отвечает департамент. Они перекрыли большинство путей в расследовании, в том числе и досмотр тела. К тому же тебя обвиняют, значит, ИМП не подпустят к мальчику.

— И что, мы теперь все спустим на тормозах? — возмущение кипело во мне.

— У нас нет выбора. Мы можем помочь им, но удаленно и только после того, как они поделятся материалами.

— Доедать с чужого стола. Ну уж нет!

— Ты — под следствием! — грозно рявкнул Горыныч. — Нос свой туда не суй — хуже сделаешь. Понял?

Напоминать начальнику о том, что дело касается лично меня, я не решился. Кто бы ни был этот третий маг, околдовавший мальчишку и подставивший меня, с ним необходимо покончить. Но делиться с шефом своими соображениями я, понятное дело, не стал.

— Позвольте хотя бы поговорить с матерью Никиты. Незвестный маг должен был ошиваться рядом, возможно, удастся найти следы.

— Ну и упрямый же ты, Леша! Ох и упрямый! Мать, конечно, допросить можно, но, опять же, после департамента. Это я выбить смогу, однако ты к ней не поедешь. Другие оперинженеры займутся.

— Предлагаете сидеть сложа руки? — это было даже смешно, не по-доброму так смешно.

— Именно так. Считай, что ты отстранен от этого дела. А теперь иди. И радуйся, что тебе в надзиратели красивую бабу приставили.

— Тоже мне радость, — буркнул я, выходя из кабинета.

Алиса Расколова беззаботно дожидалась подле двери с чашечкой кофе в руке.

— Ну, боец, отстрелялся? — приветливо улыбнулась она.

Оставив ее реплику без внимания, прошагал мимо. Девчонка тут же спохватилась, избавилась от напитка и двинулась следом.

— А каблуки на службе не мешают? — все-таки подначил я.

— Что? Ах, это... Нет, я уже привыкла.

И тут меня прорвало. Ну не мог я больше сдерживать охватившего меня отчаяния. Резко повернувшись к ней, так что рыжая бестия оказалась неприлично близко, сдавленно выговорил:

— Слушай, девочка, а хочешь отпуск? Вот прямо сейчас, а? Не нужно будет целый день таскаться за мной — свободна! Сходишь по магазинам, купишь шмоток, отдохнешь, в солярии позагораешь. Обещаю не выдавать тебя этой твоей мегере в погонах.

Предложение, на мой взгляд, шикарное.

— Прости, Алексей, служба. Но я с удовольствием схожу в солярий, если тебе туда надо, — обворожительно улыбнулась она.

Спорить бесполезно. Подкупать бабскими слабостями — тоже. Короче, прилипла — клещами не отодрать. Да что ж я, от девки сопливой не смогу отделаться? Еще чего! Запросто!

— Мне в сортир надо, — глядя на нее в упор, нахально сообщил я.

Быть хамом сейчас крайне приятно, однако Алисе моя наглость по барабану.

— Надо так надо, подожду, — лицо рыжей осталось невозмутимым.

Я направился вниз.

— Здесь тоже есть! — донеслось со спины.

— На этом этаже не работает.

В туалете было пусто, ни единой живой души, словно все вдруг в одночасье перестали справлять нужду. И это глупое везение было очень кстати: не надо объясняться с сослуживцами.

Виртуозно орудуя шваброй, честное слово, словно всю жизнь только этим и занимался, зацепил ручку окна, дернул в сторону — створка послушно открылась. Я подпрыгнул и ухватился за пластиковый край белой рамы. Затем подтянулся и таки взгромоздил свою тушу на подоконник. Острое ребро больно впилось в живот, когда я предпринял попытку перевалиться через него нижней частью тела.

Под оживленные возгласы и заинтересованные взгляды прохожих, совершив неимоверное усилие, вывалился по ту сторону «Зингера». Пускай

и до крови прикусил язык, когда ноги неумело встретились с асфальтом. Зато теперь я свободен, и никакой Алисы Расколовой, новоиспеченной надзирательницы, которая не справилась с возложенной на нее функцией и потеряла подозреваемого. Между прочим, по своей вине. Лучше следить надо было!

Оставив центральный вход за спиной, метров через двести нырнул в переулок. Чтобы выйти на кратчайший маршрут до дома, где припаркована служебная «девятка», пришлось перелезть через еще одно препятствие — обшарпанную каменную стену, которая служила чем-то вроде забора, отгораживающего одну часть двора от другой.

Тревожные мысли не давали покоя: ищейки департамента, конечно, нагрянут сегодня в Кириши и спустя три часа, оформив все документы, обзвонив инстанции и выпросив разрешение у матери на осмотр трупа Никиты, все-таки обследуют его. Однако это уже может быть поздно.

Когда имеешь дело с умело наложенными печатями, важна скорость. Пока департамент телится, пентаграмму на теле мальчика можно запросто испортить, к примеру, изрезав кожу скальпелем. На кой черт могущественному магу оставлять следы? И вообще живых свидетелей? Например, мать Никиты, Марину Афанасьеву.

То-то же.

Отчего-то мне кажется, что этот гребаный волшебник из кровавой страны Оз в данный момент направляется именно туда. Интуиция? Провидение? Может быть. Во всяком случае, стоит поторопиться.

Двор забит машинами до отказа. И это сейчас, в обеденное время! Ближе к вечеру так вообще не протолкнуться. Хорошо, что у инженеров имеются привилегии: местный ЖКХ выделяет специальное парковочное место для служителей закона, знают ведь — случись чего в закрепленном за ними районе, побегут в ИМП просить помощи. Они ее, конечно, получают, вопрос в том, как скоро. А когда в доме живет инженер, который всегда под рукой, это совсем другое дело. Потому и делают поблажки в виде свободного места на стоянке и льгот на оплату электроэнергии и воды. Соседи, конечно, поначалу были не в восторге, но со временем, видимо, что-то сообразив, смирились. А спустя год после начала массовых преобразований так и вообще в тряпочку помалкивали.

«Девятка» послушно дожидалась на положенном месте. Раздался писклявый звук — сигнализация отключилась. Распахнув дверь, втиснулся в узкое машинное нутро и тут же завел мотор. Пока двигатель грелся, внимательно осмотрел периметр, нет ли слежки.

Все чисто.

Визгнув резиной, машина сорвалась с места.

Спустя пятнадцать минут я уже мчался по московскому шоссе, выжимая из старушки все, на что она была способна. Пару раз утыкался в пробки, но бог дорог сегодня был на удивление милостив: машины сгущались на незначительные пять-десять минут, после чего заторы рассасывались, и железная колымага вновь набирала обороты.

Добравшись до деревушки под названием Зуево,

заправился, на ходу проглотил кофе и свернул в сторону железнодорожного переезда.

Громкая подвеской, перебрался через шпалы, и вдруг спустя пятьдесят метров машина отказалась ехать. Двигатель работал исправно, тяга была, но колеса словно скользили по земле, не могли поймать сцепление с дорогой.

Чертыхнувшись, вышел наружу. Вокруг никого, кроме новенькой серебристой «копейки», припаркованной на обочине, — пару лет назад ВАЗ всех сильно удивил, выпустив машину, внешне похожую на «форд мустанг». И вообще, наконец-то им удалось создать не ублюдочный прямоугольник на колесах, а нечто толковое, так что даже подростки загорелись этой машиной! Не думал, что такое возможно...

Придирчиво осмотрев днище — не сел ли на камень, который я, кстати говоря, сразу бы ощутил! — не заметил ничего странного. И уже собрался было открыть капот, как взгляд упал на колесо, затем на другое.

Не помню, чтобы задираю машину настолько высоко...

Ударил по колесу ногой — а оно возьми да и опиши полный оборот вокруг своей оси!

В этот самый момент сзади хлопнула дверь и раздался неспешный стук каблучков.

«Нашла все-таки, рыжая бестия», — не оборачиваясь, понял я.

— Вас, по всей видимости, засосало в унитаз. А выплонуло аж вон где. Да не одного, а с этой развалюхой! — с издевкой произнесла Алиса Расколова.

Машина по-прежнему висела в воздухе, едва

касясь покрывками земли. И удаётся же чертовке, не напрягаясь, поддерживать левитацию.

— Алиса! — преувеличенно радостно воскликнул я, поворачиваясь. — А я-то думал, куда вы пропали? Вроде обещали неустанно присматривать за мной. Так и быть, этот промах останется сугубо между нами. Обещаю.

— Прекрати строить из себя шута, Сказов! — разгневанно процедила она, и бедная старенькая «девятка» ощутила всю мощь земного притяжения. Заскрипели рессоры, завизжали амортизаторы, что-то хрякнуло.

Лицо исказилось гримасой боли. Жалко, ох, жалко старушку.

— Сердце у тебя каменное — творить такое с детищем отечественного автопрома! — с упреком вздохнул я.

— А сбегать от приставленного надзирателя — это как, в порядке вещей?

Я пожал плечами и, ухмыльнувшись, сел за руль.

— Далеко собрался?

— В Кириши, — честно признался я, заводя мотор.

— Думаешь, получится?

— А почему нет? — изумление в моем голосе было почти искренним.

В этот момент старенькая машина вновь накренилась и поднялась в воздух — еще выше, чем прежде!

Вздох вырвался из груди.

— Ну не драться же нам в самом деле?

Алиса пожалала плечами:

— Как знаешь...

Я потянулся за своим пантаклем, который к этому времени, пускай и не полностью, но восстановил заряд: можно наколдовать что-нибудь легкое. Это я и сделал.

Прошептал ничего не значащие для рядового не искушенного магией гражданина слова, и машина легонько! опустилась на землю. Словно перышко.

— Ничего, родная, не в таких передрыгах бывали, нечего всяким злым теткам тебя обижать, — погладил я ее по «торпеде» и прошептал еще кое-что.

Ощувив, что «жигули» неведомым образом слились со мной — как будто до этого была машина и был я, а сейчас мы стали одним целым, — тронулся.

Алиса сделала попытку помешать, но, увы, силёнок не хватало. Молодая еще, не освоилась в департаменте, да и жизнь пока ничему не научила. Куда ей до опытного оперинженера!

Но черт бы меня побрал! Как только я отъехал на приличное расстояние, сзади раздался душераздирающий крик. А затем... автомобиль взлетел в воздух и, сделав два раза сальто, словно внутри у него находился каскадер, взявший крутой трамплин, приземлился на крышу.

На этом дело не закончилось: с какой-то дикой остервенелостью нас швырнуло в сторону, прочь с обочины, прямо в кювет.

Больно треснувшись головой об руль, а затем едва не расплющившись о стекло, я, тем не менее, не потерял сознания. Только разозлился еще больше.

Дверь сорвалась с петель и отлетела в сторону, когда я вознамерился выбраться наружу, чтобы проучить эту зазнавшуюся пигалицу.

Она терпеливо дожидалась, пока противник выползет из машины, представлявшей сейчас груды металлолома, бесполезный хлам, который даже деревенские побрезгуют разобрать на запчасти.

— Да ты вконец охренела?! — рывкнул я, хватаясь за пантакль.

Взгляд наполнился силой, губы зашептали слова, а руки пришли в движение, совершая смертоносные пассы.

— Как ты думаешь, почему я работаю в инстанции выше твоей? — обыденным голосом спросила Алиса.

Но я ее уже не слышал. Разум заволокло пеленой, мысли неслись сквозь время, взывая к силе, проводником которой были пантакль и мои опрометчивые действия.

— Потому что я — слуга закона. И я доказала, что моя воля не угаснет от твоего примитивного гнева и досады, — невозмутимо добавила она.

Рыжая ведьма говорила магически, ментально, будто никогда и не использовала простой язык. Ее слова молотом стучали в моей голове, приказывая одуматься. И в самый последний момент, когда заклятье уже готово было сорваться с кончиков пальцев, словно волкодав с цепи, я, сделав невероятное усилие, остановился.

Медленно приходя в себя, обращал содеянное заклинание вспять, возвращал силу в пантакль, который покорно позволил собой воспользоваться.

— Ты колдуешь без талисмана? Без пантакля? — откашливаясь, прохрипел я.

— Пришлось научиться. Использование посред-

ников неприемлемо для работника департамента.

— Научишь?

Она отрицательно помотала головой.

— Нет. Надо же нам чем-то отличаться от вас, слабосильных, — на лице Алисы сияла победная улыбка.

— А какой у тебя класс?

— Седьмой.

— На два выше, чем у меня... Впредь буду осторожнее, девчонка.

Мы сидели на зеленой траве. Солнце со вчерашнего дня успело подсушить почву. А в салоне Алисиной «копейки» нашлись два стакана капучино. Напиток был теплым, почти горячим. Самое то. Но это означало, что надзирательница просчитала мое появление с точностью до минуты!

— Зачем тебе в Кириши? Хочешь сесть в тюрьму?

— Нет. Хочу ее избежать. А еще — убить мага.

— Судя по статистике, которую получил в отношении тебя департамент, ты редко оставляешь в живых магов, нарушивших закон. Даже если это глупые новички! — в ее голосе звучал упрек.

— Наверное, я их просто недолюбиваю.

— Хотя сам являешься магом?

— Я — другое дело.

— Но ты готов был убить меня. Получается, не совсем уж и другое.

— Ты не дала мне перешагнуть черту, спасибо.

— А ты не хотел сотрудничать...

— Разве это сотрудничество? — воскликнул я. — Ищейки департамента обвинили меня в намеренных экспериментах над обществом, заявили, что я хотел

убить мальчика. Семилетнего пацана! Запретили заниматься расследованием, в конце концов.

— Никто тебя ни в чем не обвинил. Ты пока под следствием. Просто подозреваемый, — Алиса чекала слова, чтобы я осознал каждую фразу.

Но я только отмахнулся:

— Что это меняет?

— Если не вникать, ничего. Может, все-таки расскажешь, зачем подорвался на место преступления?

Я неохотно поделился своей догадкой:

— Есть третий маг, который управлял отцом Никиты и им самим. И сейчас он едет туда, чтобы замести следы.

— Откуда знаешь? — совершенно искренне удивилась она.

— Интуиция, госпожа надзиратель, всего лишь интуиция. Не может он просто так оставить своих жертв. До меня только сейчас дошло: паренек этот, Никита, курил папиросы.

— И? — Алиса все еще не понимала.

— Ворожба, которая связала отца и сына, затронула также и мага! Это заклятье было рассчитано на троих, а не на двоих, как считает твой хваленый департамент.

— Допустим, но я так и не поняла... при чем тут сигареты?

— Папиросы, — поправил я. — Колдовавший маг — это старик, живший или живущий в том доме... Он хотел перенести свой разум в мальчишку! И у него это отчасти получилось. Когда, явившись по вызову, я снял наваждение с парня, это была лишь верхушка айсберга. Под этим наваждением глубоко

внутри пряталось еще одно.

— Значит, гипотетический маг желал обрести новую жизнь в юном теле? К этому клонишь?

— Именно!

— Бессмыслица какая-то.

— Вообще нет. Никита курил «Беломор». Такие уже не выпускают, значит, он раздобыл их у неизвестного человека. А курение — привычка, которая досталась ему от мага. Так часто бывает: человек, находящийся под чужой волей, копирует поведение колдуна. Говорю же, он почти закончил свое колдовство, я вовремя помешал ему, убив обезумевшего отца.

— А ты не думаешь, что, когда ты убил отца мальчика, погиб не только Никита, но еще и тот, третий?

— Сомневаюсь, Алиса. Тот, кто сумел связать два тела на расстоянии, свести с ума отца, а мать отправить в больницу, чтобы не мешала, не допустит такой ошибки. К тому же у него была возможность разорвать связь, ведь я не сразу прикончил Валерия Николаевича. Не знаю, какие последствия от этого разрыва он испытал, но то, что теперь ему необходимо замести следы, — факт.

— Тогда садись в машину, поехали, — велела она

— Не станешь сдавать меня своей мегере?

— Во-первых, не мегере — Аделаиде Петровне. Во-вторых, я тебе верю.

Не знаю, чего в моем взгляде было больше: удивления или благодарности?

— Не обижайся, но маг из тебя хреновый. Самое начало пятого класса, я бы даже сказала, конец четвертого. Чертить пентаграммы, изучать латынь и читать заумные книжки — явно не твой конек.

А потому совершить убийство паренька ты не мог, — заключила Алиса.

— Спасибо на добром слове. Не знаю, радоваться мне или горевать, что тупым уродился?

— Думаю, ты будешь радоваться. С чувством юмора у тебя порядок. Хотя... сквозит от него отчаянием каким-то, болью и тоской. Прячешь все это за веселыми словечками, а на самом деле на стенку готов лезть.

«Психолог хренов!» — растерянно подумал я, а вслух сказал:

— О себе можешь не рассказывать!

Стаканчик с капучино полетел в кусты. «Копейка» оказалась шикарной машиной: тонкий ретроруль, торпеда в классическом исполнении, приемник на старый манер, богатая велюровая отделка и механическая коробка передач! Последнее вызвало во мне особое уважение: современным фифам коробку-автомат подавай, а тут — надо же... Мне все это снится или российская машина действительно стала надежной и удобной? Фантастика, такое только в книжках бывает. Однако вот она — реальность две тысячи двадцать второго года.

— Как вам фильм, молодёжь? — отец внимательно смотрел на нас с Дашкой.

Он был командиром отряда ОМОН, руководил сложнейшими операциями по освобождению заложников, подолгу не бывая дома: бесконечные учения, вызовы, перелеты в другие страны. А сейчас вот выпала удача познакомиться отца с невестой.

— Очень даже неплох! Хотя концовку затянули... —

Даша заметно стеснялась, но твердо отвечала даже на самые сложные вопросы отца. Что ж, присутствие офицера всех заставляет быть немного солдатами. Это я за долгую жизнь рядом с ним успел привыкнуть, а Дашка мялась как на экзамене.

— Ну, это же Тарантино! Он любит посмаковать, поддержать в напряжении, — засмеялся он.

Виктор Сказов вопреки всеобщему мнению — мол, все вояки — тугодумы, способные лишь на исполнение приказов, — был умен. Именно он уберег меня от карьеры военного, посоветовав обратить внимание на радиоэлектронику.

— Отец, — неожиданно для самого себя решился я, — вообще-то, у нас есть новость! Жаль, что вы с Дашей только что познакомились, но так уж вышло... Тебя редко можно застать дома.

Дашка нервно прижалась ко мне. А ей сейчас волноваться ой как противопоказано. Она и так весь вечер была как на иголках, все думала, как преподнести эту новость.

— В общем, у нас... — договорить я не успел, отец жестом приказал замолчать и напряженно впился глазами в шагающего нам навстречу мужчину.

Тот был явно похож на наркомана: тощий, в грязной клетчатой рубаше, одна пола которой заправлена в издрызганные джинсы. Руки беспокойно и суетливо подергиваются, одно плечо то и дело скачет вверх-вниз, а кривая ухмылка при взгляде на нее останется в памяти на всю жизнь. У него было лицо человека, абсолютно уверенного в своем превосходстве.

Неужели он мог чем-то взволновать отца? Быть того не может!

— Кто это? — испуганно спросила Даша.

— Не знаю, но лучше держаться в стороне. Алексей, помнишь правило?

— Да, — ответил я, твердо заучив в свое время очевидную, но губительную для жизни в случае пренебрежения ею истину: неприятности лучше обходить стороной. Каким бы сильным ты ни был. Каким бы слабым ни казался противник.

Отец всегда учил соблюдать осторожность. Даже если ты опытный военный, нож в руках пускай и сопливого пацана может убить любого.

Тропинка безлюдного парка, по которой мы шли, была единственной. А потому мы повернули назад, до первой развилки, и в полном молчании свернули налево.

— Оторвались? — спросил я.

— Не знаю, не нравится мне тот тип.

Я никогда не видел отца таким встревоженным. И хотя в моем понимании тот наркоман не представлял угрозы, однако офицер Виктор Сказов чувствовал опасность нутром. А его интуиции лучше довериться безоговорочно.

— Простите, ребята. Лучше поспешить из парка! — он постарался придать голосу спокойствие.

Мы ускорили шаг, как вдруг за очередным поворотом на нашем пути возникла фигура того самого человека.

Он не собирался нас упускать.

— Леша, Даша, держитесь позади! — велел отец.

— Я помогу!

— Нет! Тебе нужно беречь свою невесту, ты сам

знаешь почему!

Я сглотнул тугой комок обиды, застрявший в горле, посмотрел на Дашку, переведя взгляд на еле округлившийся живот. И покорно кивнул.

Виктор приблизился к неопрятному человеку, напряженно вслушиваясь в каждый звук и оглядывая боковым зрением кусты, которые высокой подстриженной стеной тянулись на два с половиной метра вверх.

Я также внимательно оценивал обстановку, крепко сжимая Дашкину руку.

Никого.

Не единой живой души в парке.

Птицы и те умолкли.

Только вот этот дергающийся наркоман. Но разве он может быть опасен?

— Чего ты хочешь? — спросил отец.

— Силу, — долетел до ушей ответ.

— Своей недостаточно?

— Мало. Нужна другая, — противник приближался с вытянутой рукой, указывающей за спину отца, туда, где стояли мы с Дашкой.

Даша, почувствовав угрозу, исходящую от загадочного незнакомца, инстинктивно схватилась за живот. Разум ее сейчас бился словно птица, пойманная в клетку.

Как он узнал? Как понял, что она беременна?

Ведь он указывал именно на нашего будущего ребенка, который вскоре должен родиться.

Отец, не став больше раздумывать, сделал два шага вперед и с крутого разворота заехал ногой в челюсть наркомана. Тот отлетел в сторону, нелепо

приземлившись половиной туловища на зеленую скамейку.

Короткий бой окончен.

Таким ударом не мудрено убить, у отца могут возникнуть проблемы...

Но противник, полежав секунд пять, пришел в себя. А может, и вовсе не отключался. Челюсть его была в полном порядке: ни ссадин, ни переломов. Только ухмылка висела, словно приклеенная. Самодовольная ухмылка победителя.

— Слабовато, — невозмутимо процедил он, поднимаясь на ноги, тело его пришло в полнейшую норму и больше не дергалось.

И вдруг с ним произошло что-то неувловимое: бросившись на отца, он нанес один-единственный удар.

Виктор Сказов прочертил по земле с десятков метров, прежде чем возобладали законы трения. Но даже после такого удара, держась за ребра, он поднялся, чтобы защитить свою семью.

Я не мог поверить глазам. Отец, владевший не одним видом боевого искусства, не раз занимал первые места на чемпионатах: дома у нас стояли призовые кубки, полученные на различных соревнованиях. Он легко мог в одиночку справиться с десятком человек! Но сейчас все было иначе. Его едва не убил изможденный тощий наркоман, настойчиво искавший дозу...

Дозу чего?

Силы.

Да. Так он сказал.

— Леша, бегите! — прохрипел отец.

Я вздрогнул.